

Пролог

В спертom воздухе палаты все еще отчетливо ощущался тяжелый запах крови. Его не могли перебить даже пары спирта, настолько едкие, что, едва войдя, я зажмурилась. Я впервые оказалась наедине с Ним. Он спал, но я знала, что скоро наконец посмотрю в Его глаза. Он откроет их, чтобы увидеть меня.

Моя мать едва не убила Его. Моя мама. Почему так трудно теперь называть ее так? Мама. Она ведь ни в чем не виновата. Виноват только Он. Но я спасла Его. Знает ли Он об этом?

«Пастор читает души. Ему известно все».

Если так, то лучше мне не смотреть в Его глаза. Только этого уже не изменить. Веки на обескровленном лице задрожали и сморщились. По спине пробежал холодок. Я увижу его прямо сейчас. Тот самый взгляд, которым Он смотрел на меня с портрета в последний раз. Взгляд голодного паука.

Накануне

Самолет затрясся, и тофу, предложенный корейскими авиалиниями на обед, разом поднялся из желудка, горечью подступив к горлу.

— Уважаемые пассажиры, наш полет проходит в зоне турбулентности, — послышался бодрый голос бортпроводницы. — Просим вас оставаться на местах и пристегнуть ремни безопасности.

Следом одна из стюардесс, молоденькая корейка с непроницаемой восточной улыбкой на кукольном личике, прошла по салону. Она остановилась у моего кресла.

— Гвенчансымникка? — обратилась она ко мне, видимо заметив мое перекошенное лицо, и тут же повторила вопрос по-английски: — Ар ю окей?

— Гвенчанае, — ответила за меня Катя, и замок ремня безопасности защелкнулся у меня на поясе.

Как хорошо иметь старшую сестру! Особенно сестру-двойняшку.

Стюардесса с сомнением взглядела в мое лицо, но я энергично кивала, подтверждая Катини слова о том, что со мной все в порядке. Напрягая шею, я кивала,

изо всех сил стараясь сдержать тошноту. Со стороны это, наверное, походило на нервный тик, но стюардесса не задавала больше вопросов, переключившись на пару пожилых корейцев, игравших в карты на соседнем ряду.

— Чего трясешься? — пихнула меня в бок сестра. — Сказали же — всего лишь турбулентность. Мы же не падаем!

В этот момент сердце ухнуло, а внутренности из живота разом подпрыгнули и вжались в грудную клетку — самолет провалился в воздушную яму. Я закусила губу и посмотрела на Катю: «Ты в этом уверена?»

— Ну конечно! — Как обычно, она поняла меня без слов. — Посмотри на них, страха ни в одном глазу!

Она кивнула в сторону сидевших по другую сторону прохода: мужчина как ни в чем не бывало тасовал колоду карт, а женщина раскладывала откидной столик, который полминуты назад убрала по просьбе стюардессы. Внутри всколыхнулось раздражение — неужели сложно в такой ситуации следовать просьбам экипажа? — но всего на секунду. Самолет дернулся и закачался, как будто неведомая сила толкала его то в один, то в другой бок. Картежники подняли откидной стол и взялись за руки.

— Пока не выпали кислородные маски, еще не конец! — шепнула сестра, посмеиваясь.

Она не ждала ответа, зная, что от страха я замыкаюсь в себе и из меня слова не вытянешь. В этом мы с Катей похожи. «И что я только забыла в этой Корее? — думала я. — Последний месяц летних каникул, универ не за горами — уж лучше бы в Турцию какую-

нибудь! Три часа, и мы там — уже на пляже бы валялись...»

От кондиционера веяло неприятным холодом, но, сколько я ни щелкала выключателем, струя сухого и ледяного воздуха продолжала дуть прямо в лицо. Выглянув в проход между рядами, я искала глазами стюардессу, но она уже вернулась в отсек для экипажа в центре салона. Вдруг самолет пошел мелкой дрожью, а потом задергался, подпрыгивая то вверх, то вниз. Стюардесса быстро уселась на откидной стульчик, пристегнулась, а потом закрыла глаза и беззвучно зашевелила губами. Кондиционер больше не волновал меня — похолодело все внутри.

Я вцепилась в подлокотники и вперила взгляд в откидной столик. «Спасательный жилет под вашим креслом» — гласила надпись с правой стороны от механизма защелкивания. Осознав ее значение, я пожалела, что понимаю корейский. Как хорошо было бы сейчас смотреть на буквы хангыля — корейского алфавита, — как тогда, когда я еще не знала этого языка. В рисунке стройных, как бамбуковые стебли, букв — никакого смысла, только умиротворение. Самолет вновь тряхнуло, и я едва не впечаталась лбом в злополучную надпись.

Мы с Катей наполовину корейки. Наша мама родилась в семье переселенцев с Корейского полуострова, заброшенных в СССР волной эмиграции в первой половине двадцатого века. Всю жизнь она прожила в Москве, здесь же встретила папу и вышла замуж.

Мама побывала в Корее лишь однажды, двадцать лет назад, когда ее как потомка этнических корейцев пригласили в молодежный лагерь «Лидеры новой

Азии». Побывав там, Азии мама навсегда предпочла Европу.

Теперь в этот лагерь направлялись мы с сестрой.

Катя получила письмо с приглашением вскоре после того, как объявили результаты международного экзамена по корейскому языку ТОПИК, который курирует посольство Южной Кореи. Мы обе сдали третий уровень из шести, но результат Кати был лучшим из всех сдававших. Посольство решило поощрить ее поездкой в лагерь, а меня пригласили за компанию.

От радости мы наварили целую кастрюлю рамена, так что запах корейского доширака стоял по всей квартире, и объедались им до вечера. А потом пришла мама.

— Каждый год кто-то сдает ТОПИК, — резюмировала она. — Каждый год кто-то становится лучшим. Я не вижу причин для эйфории. И я не вижу причин оставлять в раковине такую гору посуды, — а потом обратилась ко мне: — Рая, ты ведь тоже сдала?

— Да, но у меня только семьдесят пять процентов, — ответила я.

— Семьдесят пять — прекрасный результат, — улыбнулась мама.

Она улыбалась искренне, и это было ужасно. У меня снова возникло щемящее чувство, как будто я — памятник, водруженный на чужой пьедестал.

Всякий раз, когда мама принижала Катини успехи, мне хотелось провалиться сквозь землю. И всякий раз я удивлялась, почему сестра молчит? Почему не скажет прямо все, о чем думали мы обе? Но и я молчала. И даже папа. Никто из нас не мог произнести ни слова под пристальным немигающим взглядом матери.

Самолет вдруг подпрыгнул и ухнул вниз, так что заложило уши. Это вернуло меня к реальности, я стиснула подлокотники, но влажные ладони скользили. Повернув голову, я взглянула на сестру и не поверила глазам: Катя тихо посапывала в соседнем кресле. Для двойняшек мы слишком разные. Мы и внешне-то похожи друг на друга не больше, чем любые другие родные сестры. Катя — копия мамы, настоящая кореянка. Маленькая, хрупкая, с фарфоровой кожей и узким лицом. Я — хоть и темноволосая, но скуластая, да еще и с крупным папиным носом. Обычно те, кто не знаком с моей семьей, и не догадываются, что у меня корейские корни. Поэтому я не удивилась, когда на входе в самолет проводницы поприветствовали нас с сестрой на разных языках.

Не трясло уже по меньшей мере пару минут, и, когда погасло табло «Пристегните ремни», я наконец выдохнула, а тело разом обмякло, распластавшись в кресле. Как по команде проснулась Катя и сразу достала ноутбук. Из ее наушников зазвучали бодрые ритмы кей-попа, а на экране запрыгали в немыслимых сценических кульбитах звезды всея Азии — корейские «ай-долы» «Би Ти Эс».

Минуту спустя вокруг кипела жизнь. Корейцы — а их на нашем рейсе было большинство — вставали с кресел, разминая ноги, вызывали стюардесс, требуя кто воды, а кто и спиртного, и бурно обсуждали пережитое, перемежая речь излюбленными «Айгу!» и «Ащц!», которые выражают крайнюю степень любых чувств. Очередь в туалет протянулась через весь салон.

Наш рейс задержался на два часа, и, когда самолет шел на посадку в международном аэропорту «Инчхон», уже спустились сумерки. Город внизу раскинулся огромной паутиной огней.

В зале прилета нас встретил мужчина лет сорока — таких здесь называют аджосси — дядечка. Он держал в руках табличку с нашими именами, написанными буквами хангыля. Получилось что-то вроде «Кадерина и Раиса Комыллеба». Моя фамилия Комлева. Хорошо, что особенности местного произношения не сказались на имени, — весь ближайший месяц мне предстояло слышать его от корейцев.

В ответ на наше приветствие встречавший несколько раз отрывисто поклонился и быстро зашагал к выходу. Никаких дежурных вопросов из серии «Как прошел ваш полет?» Что ж, в Корее принято, чтобы инициатива в общении исходила от старших, поэтому мы молча пошли следом.

На парковке он погрузил наши чемоданы в черно-серый мини-вэн «kia», пока мы размещались внутри.

— Извините, а сколько нам ехать? — спросила Катя по-корейски, когда он уселся в водительское кресло.

Аджосси сверкнул взглядом в зеркале заднего вида:

— Четыре часа.

— Так долго! — не удержалась я, но он не ответил.

Мы выехали со стоянки.

— А мы будем проезжать через Сеул? — спросила Катя, таращась по сторонам.

— Нет, — отрезал он.

Сестра разочарованно поджала губы. За окном, вдали от трассы, в сгустившихся сумерках выросло

яркое скопление огней — это, конечно, и был Сеул. Там ждали вожделенные Мендон, Намдемун и всемирно известный теперь Каннам. Но мы ехали мимо. Полосы света от придорожных фонарей скользили по лицу, а веки медленно слипались.

Я проснулась, вздрогнув всем телом, и, схватив ртом воздух, захлебнулась собственным дыханием. Секунду спустя глаза адаптировались к темноте, и я увидела сестру. Она спала на соседнем сиденье.

Ощущение провала во времени заставило напрячься, и я принялась судорожно шарить в сумке в поисках телефона, когда заметила цифры, светившиеся на приборной панели зеленым неонам: 23:05. Мы провели в пути уже больше четырех часов. Во рту пересохло. Я нащупала в сумке бутылку воды и отхлебнула глоток.

Мини-вэн ехал медленно, но то и дело подпрыгивал, как будто дорога была изрыта выбоинами. Прислонившись вплотную к стеклу, я попыталась разглядеть в окружавшем нас мраке хоть что-то. Черные деревья высокой стеной. Лес.

В этот момент машина затормозила и проснулась Катя.

— Приехали? — спросила она меня, протирая глаза, а затем повторила вопрос по-корейски, обращаясь уже к водителю.

— Да, — кивнул он.

Но никакого лагеря я не видела. Нас окружал лес. И темнота.

— Дальше дороги нет, нужно идти пешком, — сообщил аджосси.

Мы с сестрой переглянулись. Катя ответила на мои мысли:

— Это лагерь, стилизованный под традиционную корейскую деревню. Логично, что он не в центре Сеула.

«Не в центре Сеула» — мягко сказано. Хорошо бы понимать, где мы.

— А где мы находимся? — озвучила мои мысли сестра. — Что это за местность?

— Чолланам-до, — ответил он. — Провинция Чолланам.

Катя достала телефон, но гугл-карты не загружались — сети не было.

— Далеко еще до лагеря? — спросила я.

Вопрос — попытка самоуспокоения, ведь независимо от ответа, придется верить ему на слово.

— Не больше часа ходьбы, — ответил наш провожатый и вышел из машины.

Мы с сестрой снова переглянулись: не похоже, чтобы он шутил.

Живот предательски заурчал, когда я выбиралась из мини-вэна. Катя пошарила по карманам рюкзака:

— У меня только конфеты, которые давали в полете. Надо было взять каких-нибудь снеков в аэропорту.

Я махнула рукой:

— До места бы добраться.

— Луна! Какая огромная! — Катя указала на небо.

Действительно огромная и ярко-желтая, как мощный прожектор. Непроглядный мрак, который еще пару минут назад я видела из окна машины, казалось, расступился.

Вдруг пронзительный визг, раздавшийся откуда-то сверху, заставил меня вздрогнуть. Мгновение спустя быстро захлопали крылья. Ночная птица. Катя успокаивающе погладила меня по плечу: «Здорово, что мы вместе».

Дорога и правда обрывалась там, где остановился мини-вэн. Дальше вела тропа, которая терялась, углубляясь в лес. Аджосси достал из багажника наши чемоданы и поставил на землю перед нами. Похоже, нас ожидал не самый легкий путь.

Наш провожатый быстро зашагал по тропе, а мы, подхватив вещи, поспешили за ним. Катин багаж был вдвое больше моего, и — готова поспорить — она пожалела об этом уже в самом начале пути. Тропа была изрыта корнями, колесики то и дело застревали, приходилось либо нести чемодан в руках, либо тащить волоком.

Мы обе быстро выдохлись: сказывалась усталость от полета и голод, однако аджосси и не думал замедляться. И вот ведь странно, стоило нам отстать, как мрак леса сгущался вокруг. Лунный свет будто следовал за нашим проводником. До тех пор пока мы наступали ему на пятки, глаза различали каждый сучок на десяток метров вокруг, но стоило ему уйти вперед, как темнота подступала к нам с сестрой, окружая тревожными звуками ночного леса.

Подгоняемая страхом, я стремилась держаться как можно ближе к нему. До того момента, как оттянутые чемоданом руки и ватные ноги напомнили о времени: мы шли уже гораздо больше часа.

Я оглянулась на Катю и заметила, что она отстала. Сестра ковыляла, перетаскивая чемодан рывками с одного места на другое. Она удерживала его одной рукой, а во второй светился экран мобильного.

— Уже полпервого ночи! — прошептала она, поравнявшись со мной. — Где этот долбаный лагерь? Куда он нас тащит?

Мне тоже хотелось это знать.

Аджосси, от которого мы отстали уже на пару десятков метров, вдруг остановился и повернулся к нам.

— Если что, — быстро зашептала Катя, — бросай вещи и беги.

— Что?! Куда?

— Я говорю, если он нападет, бежим в разные стороны. И не трать силы на крики — здесь никто не услышит!

По спине пробежал холодок: неужели она и правда думает, что он...

Эту мысль оборвал яркий свет фонаря, прорезавший темноту за его спиной. Затем послышался звонкий голос, поприветствовавший нас по-корейски. От осознания, что голос женский, от сердца отлегло.

— Ну наконец-то, девочки мои, как вы, должно быть, устали! — заговорила женщина.

Среди вкрадчивой тишины ночного леса ее высокий голос резал слух.

— Меня зовут Ли Жи Хе, я администратор лагеря. — Женщина поклонилась, приблизившись к нам. — Зовите меня Жи Хе или просто онни.

Онни — с ударением на второй слог — так корейские девушки называют старших сестер и близких

подруг старшего возраста. На вид ей было лет тридцать, а значит, она вполне могла бы быть нашей онни, но язык не поворачивался назвать абсолютно незнакомого человека так же, как я с детства привыкла — хоть и в шутку — называть сестру.

К тому же мне понравилось ее имя — Джи Хе. По-корейски оно созвучно слову «мудрость». А фамилия Ли, традиционно предшествующая имени, делала его мелодичным, по-настоящему женственным. Вот только ей совсем не шло это имя. Худая и слишком высокая для кореянки, она двигалась немного неуклюже, как будто не вполне уверенно управлялась со своими чересчур длинными конечностями.

Мы поклонились в ответ и назвали наши имена. Аджосси, до сих пор стоявший рядом, вдруг зашагал прочь — туда, откуда мы пришли. Чжи Хе не обратила на это никакого внимания.

— Прекрасно, прекрасно, — вновь заговорила она, освещая дорогу фонарем и увлекая нас за собой. — Мы уже почти на месте. Сюда, вот сюда...

Тропа петляла и местами была завалена ельником. По временам мне казалось, что мы шли прямо через чащу.

— Вам обязательно понравится у нас, — продолжала Джи Хе, — добраться сюда непросто, но вы даже не представляете, что вас ждет!

Она не смолкала весь остаток пути до лагеря. Признаться, я не понимала и половины из того, что слышала. Катя, судя по ее отрешенному виду, и вовсе не слушала. Мы обе валились с ног от усталости и поэтому выдохнули, когда лес расступился, уступив место

залитой лунным светом поляне, на которой возвышались постройки в традиционном корейском стиле.

Восемь домов-ханокв стояли по четырем сторонам света по два в ряд. Миниатюрные деревянные домики с островерхой крышей с загнутыми кверху углами и окнами, затянутыми рисовой бумагой, словно сошли с картинки «Загадочная и прекрасная Азия». Вокруг были еще постройки, но Джи Хе повела нас к одному из ханокв. В нос ударил запах костра: на площадке между домами было свежее кострище, вокруг которого стояло несколько низких деревянных скамеек. Еще пахло соевым соусом и кимчи — запахи, по которым в Москве легко отыскать корейский «щиктан» — кафешку.

Джи Хе поклонилась, приглашая нас войти в ханок. Мы поднялись на крыльцо, но, когда я попыталась втащить чемодан в дом, она остановила меня:

— Оставьте все здесь, вы слишком устали, чтобы разбирать чемоданы.

— Но нам надо переодеться, — возразила я.

— Не волнуйтесь, я приготовила для вас все необходимое. А сумки я отнесу на склад. Разберете их завтра. У вас будет время для этого.

Спорить не было ни сил, ни желания. Мы оставили чемоданы у крыльца и прошли внутрь. На полу единственной — и довольно тесной — комнаты были расстелены два матраса, покрытые цветастыми простынями. На каждом лежала небольшая подушка, тонкий плед и комплект чистой одежды. Рядом стояли две пилы с водой и лежали белоснежные полотенца.

Традиционный уклад накладывал свой отпечаток: туалета в доме не было. Джи Хе проводила нас к